лась и диверсифицировалась. Сложились основные ее фракции. Основаниями для структурирования выступали следующие «координатные оси»: «столичная» - периферийная; либеральная (западническая) - почвенническая (славянофильская); «рыночная» (коммерческо-сервисная) - фундаментальная; административно-менеджерская - творческая; традиционная (по видам искусств) - масс-медийная; радикальная -умеренная; национальная (этническая) - кросс-культурная. Сообразно этим диспозициям во многом выстраиваются культурные институты (творческие союзы и объединения, журналы, театры, кинообъединения, научно-учебные заведения), программы их деятельности и ориентиры на соответствующие фракции политической элиты.

В отличие от системы взаимодействия элиты культуры и политической элиты в советском обществе, строившейся, по преимуществу, на основе идеократически-подданнических отношений, но с предъявлением высоких требований к её членам, взаимодействие данных элит в постсоветском обществе складывается в рамках нескольких моделей, о чем было сказано выше и, требования к их компетентности, честности и другим профессиональным и морально-этическим качествам значительно размыты и снижены. Поэтому в настоящее время для государственного строительства России нет актуальнее задачи, чем воспитание элитных слоёв общества и формирование корпуса квалифицированных специалистов управленческого труда, имеющих большой практический опыт и обладающих высокими моральными качествами.

Литература

1.Творческие союзы в СССР. М., 1970. С. 45-50.

2.Элиты Москвы: социальное самочувствие, отношение к реформам в стране и городе // СИМТОМ. М., 2000. №3 (94).

УДК 323.17

Добаев И. П., д.филос. н., проф.,
Гаджибеков Р. Г., асп.

Внешнее влияние на развитие терроризма на Северном Кавказе

В статье представлена характеристика современного международного терроризма, рассмотрены этапы формирования и состояние террористического движения на Северном Кавказе, определена степень влияния на эти процессы внешнего фактора.

Ключевые слова: терроризм, экстремистские организации, глобальный джихад, террористическая сеть, исламизм, "Братья-мусульмане", "Имарат Кавказ", децентрализация, сетевая структура, интеграция.

Террористическое движение на Северном Кавказе постоянно видоизменяется, приспосабливаясь к специфическим условиям региона, где архаичная социальная система местных сообществ остается значимым ценностным ориентиром для населения. Региональная версия терроризма, опираясь на идеологическую доктрину радикального исламизма, за последние двадцать лет прошла основательную институционализацию, апогеем чего стало провозглашение в 2007 году т.н. «Имарата Кавказ». Эксперты отмечают значимое влияние внешнего фактора на эти процессы. Однако в настоящее время террористическое движение в регионе приобрело весомую степень автономности, превратившись в самостоятельный террористический кластер, входящий в сетевую структуру международного терроризма.

Главная особенность северокавказского террористического подполья заключается в его сетевой структуре и системе самообеспечения, которые базируются на инкорпориро-

ванности подполья в сложившиеся местные социальные структуры, объективно поддерживающие радикалов. В качестве важнейшего элемента функционирования традиционного общества в северокавказских республиках лежит коллективная солидарность людей, основанная на системе социальных институтов общественного регулирования (семья, род, община, традиции, мораль, обычное право, общественное мнение), и социальных практиках, включающих, в том числе, и кровную месть.

Как известно, формы сопротивления северокавказских сепаратистов после известных августовских событий 1999 г. в Дагестане и Чечне прошли несколько этапов. Первоначально шли фронтальные сражения, апогеем чего стал штурм Грозного и последовавшее падение официальных ичкерийских политических институтов. Затем эта борьба трансформировалась в партизанское движение и, наконец, в бандитское подполье, практикующее диверсионно-террористические формы деятельности и прикрывающееся исламским вероучением. Тем не менее, знаковым стал 2007 г., когда очередной ичкерийский лидер Доку Умаров заявил о сложении президентских полномочий и назначил себя верховным правителем – «амиром моджахедов Кавказа», «предводителем джихада», а также «единственной законной властью на всех территориях, где есть моджахеды». Естественно, что виртуально существующий «Имарат Кавказ» стал очередной сетевой структурой радикальных исламистов, в данном случае – в северокавказском регионе России.

Согласно верному утверждению американского автора Марка Сейджмана, сложившийся в современном мире глобальный джихад не является конкретной организацией, но выступает общественным движением, состоящим из ряда более или менее формализованных организаций, связанных определенными алгоритмами взаимодействия. При этом участники глобального джихада – не атомизированные индивиды, но акторы, связанные друг с другом через сложную паутину прямых или опосредованных обменов [1, с.145].

История последнего столетия со всей очевидностью свидетельствует, что деятельность организаций религиозно-экстремистского толка нередко зависит от отношения к ним правящих режимов. В условиях разнопланового прессинга и силового давления они, как правило, уходят в подполье, организуясь в децентрализованные сетевые структуры. При благожелательном отношении к ним властей, привлечении их к парламентской и экономической деятельности, они, наоборот, нередко достаточно уверенно интегрируются в политические системы своих стран. Это можно полностью отнести, например, к первой организации такой направленности – египетским «Братьям-мусульманам», основанной шейхом Хасаном аль-Банной в декабре 1928 года.

Обличение социального неравенства, коррупции, процветавшей в монархическом Египте, выступления против засилья в стране и в целом на Арабском Востоке британского колониализма (в нем «Братья» видели продолжение нового «крестового похода» европейских держав против ислама и мусульман), кампании протеста против сионизма и сионистского проникновения в Палестину, «священную землю ислама», – все это обеспечило популярность движения «Братьев» среди широких масс египтян. Организация «Братья-мусульмане» выражала настроения наиболее консервативных групп мелкой буржуазии, которые выступали за создание «общества социальной справедливости и борьбу с английскими колонизаторами». К концу сороковых годов «Братья» вели за собой сотни тысяч, а может быть, и миллионы последователей. Их социальной базой сначала были обездоленные городские слои – «маргиналы», затем они стали вербовать сторонников среди студентов, служащих, рабочих, офицеров. Ассоциация унаследовала от старинных тайных мусульманских сект, в частности от низаритов (исмаилитская подсекта), глубокую религиозность и символизм, проведение четкого различия между рядовыми членами и «посвященной» элитой (у египетских «Братьев-мусульман» существуют четыре степени членства: «общая принадлежность», «братская принадлежность», «активное членство», «активные бойцы» или «моджахеды»; последние пополняют тайное крыло организации, так называемые боевые группы «Братьев»). Эти черты сочетались с полнейшей централизацией под жестким руко-

водством вождя, созданием системы ячеек с руководителями, подобранными и назначенными сверху. Организация создала женские секции, бойскаутские организации и спортивные клубы. Она увеличила свое влияние, открывая клиники, школы для детей и взрослых, кооперативы, дома престарелых. «Братья» умело манипулировали массами на митингах и демонстрациях [2,с.233]. Таким образом, БМ превратилась в массовую организацию с большой сетью ячеек на местах, у нее имелись отряды молодежи, военизированные батальоны, тайные террористические группы.

Пик влияния «Братьев» пришелся на конец сороковых годов. В тот период ассоциация установила контакты с антимонархической подпольной организацией «Свободные офицеры», развернула террор против политических деятелей Египта, проявлявших проанглийские симпатии. Одновременно лидеры ассоциации, беспринципно сотрудничая с королевским двором, консервативными богословскими кругами и египетскими правыми партиями, готовили государственный переворот. План был раскрыт и сорван правительством, в этот же период Хасан аль-Банна был убит агентом полиции. Ассоциация временно была объявлена вне закона, затем снова легализована в 1951 г. После революции 1952 г. сотрудничество БМ с правительством «Свободных офицеров» продолжалось недолго, поскольку план установления «исламской опеки» над новым режимом провалился. Вскоре ассоциация выступила против выдвинутой Г.А.Насером программы социально-политических преобразований. После покушения «Братьев» на жизнь египетского президента в 1954 г. их организация была запрещена, многие ее члены репрессированы, другие ушли в подполье [3, с.19].

«Братья» постоянно лавировали в политическом процессе Египта, дифференцируя свою деятельность от поддержки того или иного режима до его полного неприятия и даже борьбы, в том числе террористической, с ним. Однако большинство отколовшихся от «Братьев» радикальных структур, таких как «Джихад ислами», «ат-Такфир валь Хиджра» и др., стали для египетских авторитарных режимов настоящей головной болью. Как известно, боевики «Джихад ислами» осуществили успешный террористический акт в отношении президента Египта А.Садата в 1981 году.

Новый президент Египта Х.Мубарак, развернув преследование наиболее экстремистских фундаменталистских организаций («Джихад», «ат-Такфир валь Хиджра»), в то же время пошел на некоторые уступки умеренным фракциям «Братьев». Их идеологическое проникновение во все сферы египетской жизни в этот период достигает своего апогея, что вынуждало руководство страны и ведущие политические партии считаться с ними. «Братья» приняли участие в выборах 1997 г., выступив в блоке с правобуржуазной партией ВАФД, получившей поддержку значительной части египетских избирателей, что дало основание Верховному наставнику «Братьев» Мухаммаду Абу Насеру заявить о возможности прихода к власти мирным, парламентским путем. На очередных выборах «Братья» выступили в составе возникшего в стране «Исламского союза», который получил 60 мест в парламенте, за него отдали свои голоса 17% избирателей. Используя легальные парламентские возможности, представители ассоциации требовали введения шариатского законодательства, «решительной борьбы с коммунизмом», выступали против египетско-израильского сотрудничества.

После свержения режима Х.Мубарака весной 2011 года шансы «Братьев» на политическое лидерство в Египте заметно возросли. «Братья-мусульмане», а также умеренная исламистская организация «ан-Нур» лидируют в политической расстановке сил в постмубараковском Египте. Однако такое развитие ситуации характерно не только для Египта. Например, в Турции с 2002 г. у власти находится исламистская Партия справедливости и развития (ПСР), которая имеет мало общего с традиционно правившими ранее в Турции правоцентристскими партиями. Следует подчеркнуть, что на парламентских выборах в июне 2011 года ПСР получила большинство мест в главном законодательном органе Турции и право сформировать правительство. Исламистские тенденции набирают обороты и в других

государствах, особенно подвергшихся «цветным революциям», среди них выделим Тунис и Ливию. Аналогичные процессы фиксируются и во многих других странах арабского Востока – Алжире, Мавритании, Марокко, активизировались исламисты в Сирии и Йемене.

Следует подчеркнуть, что большинство образовавшихся на основе египетских «Братьев-мусульман» многочисленных религиозно-политических экстремистских группировок далеки от интеграции в политические системы своих стран, и ведут неустанную борьбу с режимами «тагутов» (узурпаторов), используя в этих целях все средства, в том числе и террористического характера. Естественно, по таким группировкам власти наносят жестокие удары, вследствие чего они нередко переходят в подполье.

Вместе с тем, в 90-х годах прошлого века мир стал свидетельством объединительных процессов в радикальном исламистском движении. Экстремисты в тот период времени контролировали Афганистан, Судан и отчасти Чечню, рассчитывали расширить плацдарм своего могущества, все чаще говорили о воссоздании халифата, исламизации мирового пространства и т.д. В 1998 г. им даже удалось создать т.н. «Мировой фронт джихада», под сенью которого произошло объединение наиболее одиозных экстремистских группировок «исламского мира». Уверенно создавалась иерархическая сетевая структура глобального масштаба, с претензиями на мировое господство, во главе с лидером «Аль-Каиды» Усамой бен-Ладеном.

С середины 90-х гг. одним из направлений деятельности бен-Ладена становится его участие в осуществлении идеи «прорыва» движения исламского фундаментализма в южные регионы России. Особо пристальное внимание бен-Ладена вызвали активные действия чеченских сепаратистов. Замысел, связанный с поддержкой этого движения, по всей видимости, предусматривал ускорение процесса создания на территории Чечни независимого исламского государства, которое должно было стать не только символом, но и полигоном институционального строительства в духе идей радикального исламизма, плацдармом для образования других, не зависимых от Российской Федерации исламских республик на Северном Кавказе.

Пик интереса бен-Ладена к северокавказскому региону России пришелся на 1999 г., поскольку уже с середины этого года он приступил к финансированию операции по проникновению боевиков из числа арабских и афганских моджахедов в составе дагестанских и чеченских бандформирований на территорию Дагестана. Очевидно, что бен-Ладен и его ближайшее окружение приняли решение о необходимости перехода от практики проведения разовых терактов, требующих длительной и тщательной подготовки, но дающих относительно невысокий эффект, к организации масштабных боевых действий. Такая тактика, по замыслам ее инициаторов, должна была привести к расширению их поддержки даже со стороны режимов, негативно относящихся к политической практике исламских экстремистов. При этом сам бен-Ладен определил для себя роль общего стратега и международного координатора, аккумулирующего в своих руках и распределяющего поступающую из мусульманских стран материальную помощь. Такая позиция руководства мирового «исламского» терроризма, по нашему мнению, и стала одной из основных причин, побудивших лидеров дагестанских, чеченских и зарубежных «ваххабитов» совершить в августе 1999 г. агрессию против Дагестана [4,с. 62-63].

Однако после событий 11 сентября 2001 г. и в результате начавшейся антитеррористической кампании под эгидой США повсюду стала фиксироваться децентрализация структур радикальных исламистов. Их отличительной особенностью стала высокая степень адаптации к реалиям современного мира. Хотя и остались действующие строго иерархически группировки, большинство все же получили «размытые» управленческие механизмы, появились структуры, организованные по типу «паучьей сети», а также и полностью независимые.

Например, до 11 сентября 2001 года "Аль-Каида" была централизованной организацией, использовавшей Афганистан как штаб для выработки стратегии, планирования те-

рактов и отправки боевиков в различные точки земного шара. После того как "Аль-Каида" потеряла Афганистан, структура организации претерпела значительные изменения. Теперь "Аль-Каида" стала более децентрализованной. Так как бен-Ладен перешел на подпольное положение, командующим операциями и руководителям отдельных ячеек приходилось брать на себя большую ответственность и принимать решения, которые ранее были исключительной прерогативой бен-Ладена.

Однако, как свидетельствует мировой опыт, радикальные исламистские структуры обладают повышенными способностями к регенерации, а кроме того, в их состав постоянно осуществляется приток свежей крови. Например, как сообщалось на сайте газеты New York Times, данные с захваченных американцами в Пакистане компьютеров исламистов свидетельствуют, что в "Аль-Каиде" появилось новое поколение лидеров взамен убитых и арестованных. Американские эксперты пришли к выводу, что на руководящие позиции в "Аль-Каиде" выдвинулись люди, которые ранее находились внизу иерархической лестницы. Кроме того, быструю карьеру делают и недавно вступившие в эту организацию. Эта новая картина противоречит прежнему мнению американского руководства о том, что всемирная террористическая сеть обескровлена и лишилась большинства своих руководителей. Представители американских спецслужб сходятся во мнении, что "Аль-Каиде» удалось сохранить определенную степень централизации. После успешного свержения режима талибов в Афганистане американские спецслужбы придерживались другой версии относительно структуры "Аль-Каиды". Тогда они ошибочно полагали, что организация была полностью децентрализована и превратилась в ассоциацию независимых террористических группировок [5].

Следует также подчеркнуть, что фигура бен-Ладена, несмотря на заявления об его уничтожении «морскими котиками» США во время спецоперации в Пакистане в 2011 году, до сих пор вдохновляет боевиков, которых он обучил и рассеял по всему миру, а также членов небольших экстремистских группировок и бойцов-одиночек, разделяющих его идеологию. В результате, на сегодняшний день "Аль-Каида" представляет собой сеть из плохо связанных друг с другом региональных организаций с ослабленным центральным руководством. Руководство вдохновляет отдельные организации на осуществление терактов, порой помогает им деньгами и советами, а также обучает их боевиков таким навыкам, как производство взрывных устройств или бой в городских условиях. Тем не менее, о современном террористическом движении сегодня уместнее говорить как о разветвленной децентрализованной сетевой структуре, или даже такого же рода движении.

Как отмечает американский терролог М.Сейджман, группу людей можно рассматривать как сетевую структуру, как собрание точек, соединенных между собой связями. Некоторые из них более популярны и подсоединены к большему количеству связей, соединяющих их с другими, более изолированными точками. Эти точки с большим количеством связей, именуемых узлами, являются важными компонентами террористической сети. Несколько узлов с большим количеством связей доминируют в архитектуре глобального салафитского джихада. Центральный аппарат, ближневосточные арабы, магрибские арабы и представители Юго-Восточной Азии являются крупными кластерами, сформированными вокруг таких узлов, какими являлись или являются их лидеры (Усама Бен-Ладен, Айман аз-Завахири, Халид Шейх Мухаммед, Заин аль-Абидин Мухаммед Хусейн и Абу Бакар Баасир). Характерно, что уже после 1996 г. Центральный аппарат во главе с Усамой бен-Ладеном непосредственно уже не участвовал в проведении террористических операций, но три остальных кластера были связаны с контактными лицами Центрального аппарата через своих «офицеров связи» на местах [1,с.146].

С провозглашением в 2007 г. Доку Умаровым «Имарата Кавказ» можно говорить об окончательном формировании на Северном Кавказе очередного крупного террористического кластера, ставшего частью иерархической сетевой структуры «исламского мира». Однако сетевые структуры террористов в северокавказском регионе России стали формироваться

задолго до инициатив Д. Умарова. Поражение сепаратистов в Чечне, распыление салафитского движения в других республиках Северного Кавказа трансформировало «сопротивление» частично в «партизанщину», частично в мобильные, слабо связанные между собой сетевые террористические группировки.

Сегодня подполье практически во всех северокавказских республиках состоит из трех главных сетевых звеньев, обеспечивающих воспроизводство и даже усиление террористического движения [6]. Первое звено состоит из боевиков, которые принимают непосредственное участие в диверсионно-террористической деятельности. Его естественное пополнение происходит за счет второго звена, состоящего из близких и дальних родственников, входящих в состав большой семьи, рода, братства, тейпа и т.д. Однако чаще всего данное звено формируется из жен, братьев, сестер, а также из односельчан боевиков. Их главная функция состоит в обеспечении тылового прикрытия активных членов банд, а также в пополнении отрядов боевиков в результате понесенных ими потерь. Часто такое происходит, особенно в условиях Северо-Восточного Кавказа, когда в результате гибели состоявших в джихадистской сети близких родственников начинает действовать институт кровной мести. Третье, самое многочисленное звено, занимает особо важное положение в обновленческом процессе подполья. Оно, как правило, состоит из сочувствующих и симпатизирующих исламистам молодых людей, ставших носителями исламистской идеологии, прежде всего, под влиянием специфических проповедей в местных мечетях, а также через посещение ими Интернет-форумов, которые сегодня являются эффективной базой для исламистских пропагандистов.

Сложившаяся сетевая система «Имарата Кавказ» при всей своей аморфности существенно повышает степень выживаемости всей сети в целом. Основу северокавказского подполья образуют т.н. «джамааты», которые создаются по территориальному и одновременно этническому принципу, поскольку границы населенных пунктов практически всегда совпадают с границами расселения отдельных этнических групп. В результате первичные единицы разветвленной террористической сети – джамааты – представляют собой этнически однородные коллективы. Совокупность таких первичных ячеек на уровне районов и в целом северокавказских республик образует соответствующие, сетевым образом оформленные, исламистские «сектора» и «валайяты», из которых, в свою очередь, состоит «Имарат Кавказ». Несмотря на то, что «Имарат Кавказ» отрицает значимость расового, этнического и др. факторов, отличающих мусульман друг от друга, в реальной действительности подполье не может существовать в отрыве от сложившейся системы разделения зон влияния между этносами, особенно в условиях террористической войны, когда жизнеспособность и неуязвимость подполья обеспечивают тылы, опирающиеся на родоплеменные отношения (тейпы в Чечне и Ингушетии, родоплеменные связи в Дагестане, Кабардино-Балкарии и других северокавказских республиках). Именно в силу этого руководство Чечни и Кабардино-Балкарии достаточно эффективно используют практику коллективной ответственности родов и тейпов за связи и поддержку бандподполья [6].

Основную массу боевиков составляют представители северокавказских этносов. Как правило, это мужчины в возрасте от 25 до 35 лет (их доля составляет не менее 50 процентов от общей численности), вторыми по степени вовлеченности являются молодые люди до 25 лет, их доля соответственно составляет примерно 30 процентов. Представляют интерес данные последних двух лет, которые свидетельствуют о тенденции «старения» активных боевиков: если прежде среди «непримиримых» было немало юношей 16-17 лет, то сегодня их возрастная планка поднялась, в результате чего «самыми молодыми» стали люди от 20 лет и старше. Вместе с тем, как правило, активные члены бандгрупп имеют среднее и даже высшее образование, располагают стажем трудовой деятельности [7,с.28].

В рядах боевиков имеется некоторое количество наемников, как из дальнего, так и из ближнего зарубежья. Среди «дальних» чаще – идеологические проповедники, финансовые посредники, инструкторы, а «ближние», как правило, выступают просто в роли бойцов,

хотя бывают и исключения. Если в «первую чеченскую», а также в начале 2000-х в регионе воевали представители стран Ближнего и Среднего Востока, то теперь их стало значительно меньше, а их место все активнее занимают граждане ныне суверенных постсоветских республик, а также и собственно России. Относительно новым явлением стало появление «русских ваххабитов» - тех русских, которые воюют и совершают диверсионно-террористические акты на территории Северного Кавказа [7,с.29].

Появившийся на Северном Кавказе новый крупный террористический кластер М.Сейджман, как и другие аналогичные образования, относит к сетевым структурам «малого мира», в отличие от глобальной иерархической сетевой структуры Усамы бен-Ладена 90-х гг. Сетевые структуры «малого мира», как подчеркивает М. Сейджман, обладают интересными свойствами: в отличие от иерархической сетевой структуры, которую можно ликвидировать, обезглавив ее, уничтожив ее руководство, сетевая структура «малого мира» сопротивляется дефрагментации по причине своей плотной взаимосвязанности. Можно произвольно удалить значительную часть составляющих ее точек-фигур без особых последствий для ее целостности. Где сетевая структура «малого мира» уязвима для прицельного удара, так это в своих узловых точках. Если достаточное количество таких узлов уничтожены, то сеть распадается на изолированные и лишенные связи острова, состоящие из точек… [1,с.149].

«Имарат Кавказ» - это сетевая структура «малого мира», возникшая на базе т.н. «Кавказского фронта», включавшего в свой состав множество местных «фронтов», сконструированного Абдулхалимом Садуллаевым, предшественником Д.Умарова на посту «президента Ичкерии».

По территориальному устройству «Имарат Кавказ» состоит из ряда входящих в него субъектов – вилайетов. Первоначально он был разделен на шесть вилайетов: Дагестан, Нохчийчо (Чечня), Галгайче (Ингушетия), Иристон (Северная Осетия), Ногайская степь (Ставропольский край), а также объединенный вилайет Кабарды, Балкарии и Карачая. В мае 2009 г. указом Д.Умарова вилайет Иристон был упразднен и включен в состав вилайета Галгайче. Таким образом, верховный амир «Имарата Кавказ» разрешил давний территориальный спор между ингушами и осетинами в рамках придуманного им «государства». При «верховном амире» «Имарата» созданы функциональные структуры – мухабарат (разведка и контрразведка), шариатский суд, «министерство по связям с общественностью», «военное министерство» и др. Весной 2009 г. Д.Умаров оснастил свой «Имарат» дополнительным атрибутом государственности, созвав представительный орган – Маджлис уль-Шура. Туда входят главы вилайетов (регионов) и наиболее заметные руководители «джамаатов» (местных бандгрупп). Маджлис уль-Шура представляет собой аналог верхней палаты парламента, имеющей, однако, лишь совещательные функции, всей полнотой власти располагает только верховный «амир». В свою очередь, во главе каждого вилайета стоит свой амир (глава субъекта), обладающий властными полномочиями на курируемой территории. Он, в свою очередь, отбирается из числа амиров местных джамаатов (глав районов, совмещающих полномочия командиров мобильных банд). При амире вилайета, как и при верховном амире «Имарата», как правило, действует меджлис – совещательный орган из наиболее авторитетных представителей общины [8].

Если сравнить структуру «Имарата Кавказ» со структурами аналогичных зарубежных исламистских образований, то нетрудно обнаружить их внутреннее сходство. Например, в 90-х гг. в структуру «Аль-Каиды» входили: "Шура", или Консультационный Совет - узкий круг близких соратников бен-Ладена, большинство из которых находились с ним в тесных отношениях еще со времен Афганистана; "Шариа" и Политический комитет, отвечавшие за издание "фатв" - постановлений, основанных на законах шариата и предписывающих или оправдывающих определенные действия, включая убийства; Военный комитет, ответственный за выбор потенциальных мишеней, разработку и осуществление операций и управление тренировочными лагерями; Финансовый комитет, ответственный за сбор

средств, финансирование тренировочных лагерей, оплату проживания, расходов, поездок членов сети и движение финансовых потоков, необходимых для проведения операций; Комитет иностранных закупок, отвечавший за приобретение оружия, взрывчатых веществ и оборудования; Комитет безопасности, отвечавший за защиту членов сети, сбор разведывательной информации и контрразведку; Комитет информации, отвечавший за ведение пропагандистской работы [5].

Не стоит думать, что эта структура отражала цепочку командования при организации каждой конкретной террористической операции. С ее помощью осуществлялась общая координация действий "Аль-Каиды", в том числе и обеспечение материальной поддержки терактов. Но как только принималось решение о проведении конкретной акции, ее организация поручалась засекреченной ячейке "Аль-Каиды", состоявшей из тщательно отобранных членов сети. Такую ячейку всегда возглавлял один из высокопоставленных боевиков "Аль-Каиды", подчинявшийся лично бен-Ладену.

Аналогичное можно сказать и об «Имарате Кавказ», имеющей в своем составе, в том числе, и засекреченные ячейки типа пресловутой «Риядус-Салихийн». Отсюда усматривается, что не только в идеологическом, но и в организационном отношении северокавказские террористы следуют в фарватере построений их более опытных коллег из других стран мусульманского Востока.

Итак, трансформация террористических сообществ в последнее время идет главным образом по пути адаптации сетевых форм организации к потребностям террористических групп. Имеет место отход террористических организаций от иерархических и линейных моделей организации и переход к сетевым. Новая, сетевая модель террористической организации позволяет достигать большей конспиративности и эффективности, а ее финансовые возможности в глобализирующемся мире оказываются самодостаточными. В связи с распространением информационных технологий у террористических организаций появляется возможность оперативно координировать любые акции отдельных боевых групп в любых масштабах. Таким образом, на смену централизованным террористическим организациям прошлого приходят транснациональные сетевые структуры, состоящие из автономных ячеек, способные в русле общего идейно-политического направления проводить террористические атаки в любой географической точке планеты. В структурном плане наиболее распространенной и опасной моделью построения международной террористической сети является сегментированная, полицентричная, идеологически интегрированная сеть. В рамках таких сетей свое место могут найти и криминальные организованные группы, и теневой бизнес. Круг потенциальных участников подобных сетей оказывается практически неограниченным. Переплетение различных сетей друг с другом (террористических, финансовых, криминальных (наркотрафик, нелегальная торговля оружием, людьми и др.)) вообще придает возникающему сетевому конгломерату новые качества и делает его совершенно автономным, еще более аморфным, чем ранее, и при этом трудно уязвимым [9, с. 18-20].

Эффективность организации таких террористических сетей и входящих в их состав боевых групп обусловливается повышением уровня координации действий, расширением организационных возможностей, а также активизацией обменов информацией, в том числе в режиме реального времени. В результате такого рода террористические сети оказываются почти идеально адаптированными к условиям так называемых «роевых» войн или войн с использованием принципа «боевой стаи» [10, с. 76], когда за нанесением четко скоординированного по месту и времени удара прибывающих с разных направлений (из разных районов, республик и даже стран) боевиков и подразделений поддержки следует буквально «исчезновение», «растворение» боевой или террористической группы, вновь распадающейся на отдельные сегменты, стремительно исчезающие с места действия или сливающиеся с массами населения. Применение подобной тактики в конфликтах малой интенсивности было и остается весьма результативным даже против защищенных целей и военных объектов.

Эффективна она и в современных крупных мегаполисах, поскольку целями террористических актов выступают слабо защищенные гражданские объекты и собственно население.

Имеющиеся материалы свидетельствуют, что в деятельности практически всех экстремистских структур на территории Северного Кавказа проявляются тенденции координации и взаимодействия в вопросах инспирирования дальнейших дезинтеграционных процессов в регионе. Управляемость этих структур объясняется ещё и тем, что они в весомой степени финансируются спецслужбами и организациями иностранных государств либо непосредственно, либо опосредованно, через международные неправительственные структуры, вследствие чего, они нередко лишены политической самостоятельности. Правда, уровень финансовой зависимости северокавказских экстремистов от внешних спонсоров неуклонно снижается, что объясняется значимым отвлечением в последнее десятилетие средств международного терроризма на финансирование исламистских боевиков во многих странах Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки.

В этой связи следует отметить, что важной особенностью современного северокавказского терроризма выступает и то, что оно представляет собой устойчивую и уже достаточно независимую в финансовом плане систему, имеющую многоуровневый бюджет, состоящий из бюджетов «джамаатов», секторов, валайятов и, наконец, собственно «Имарата Кавказ». Формирование этих бюджетов происходит за счет т.н. «налога на джихад», который боевиками представляется в качестве одного из «столпов ислама» - закята, им исламисты облагают бизнесменов и чиновников в северокавказских республиках, а также соплеменников за их пределами. Суть системы налогообложения основана на вымогательстве, которому руководство «Имарата» придало теологическое обоснование. Сбор средств идет снизу – вверх, начиная с уровня джамаатов сел, и завершая республиками и всей зоной, подконтрольной «Имарату». Сбором средств при этом занимаются и сами боевики, их родственники, а также сочувствующие и симпатизирующие террористам. Отказ в уплате «налога, нередко завершается казнью «виновного» [6].

Как известно, «налог на джихад» не является изобретением северокавказских радикалов, он практикуется в аналогичных условиях повсеместно в государствах Ближнего, Среднего Востока и в Северной Африке. Например, во время советского военного присутствия в Афганистане аналогичный налог бандитам выплачивали государственные и партийные функционеры, включая министров, членов Ревсовета и Политбюро правящей Народно-демократической партии. Четкое взаимодействие всех звеньев «налогообложения» на Северном Кавказе обеспечило подполью значительный приток финансовых средств, который укрепил подполье и расширил его ряды, обеспечил независимость от ослабших внешних поступлений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сложившаяся в северокавказском регионе России террористическая модель основательно адаптирована под локальные социальные и этнополитические условия, прошла поступательный процесс институционализации. Сегодня в регионе сложилась разветвленная сетевая террористическая структура, обладающая такими специфическими институциями, как судебная власть (кадии), хорошо отработанной фискальной системой, а также и исполнительной властью в лице т.н. «амиров» различных уровней, от «джамаата» - до «Имарата». Живучесть сложившейся системе придает сращивание идеологии радикального исламизма с северокавказскими традиционными социальными институтами и сложившимися современными общественно-политическими условиями. Родоплеменные связи, этнический фактор, территориальная привязанность помогает бандгруппам эффективно противостоять республиканским и федеральным силовым структурам. Иными словами, сращивание специфической радикальной исламистской идеологии с северокавказскими социально-экономическими и этнополитическими реалиями сделало проект «Имарат Кавказ» жизнеспособным, что позволяет не только противостоять государству, но даже расширять географию своего влияния. Отсюда следует

необходимость разработки новых, более эффективных направлений противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму.

Литература

1. Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М., 2008. С. 145.

2. Васильев А.М. Египет и египтяне. М., 1986. С. 233.

3.Добаев И.П. Политические институты: идеология и практика. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. С. 19.

4.Добаев И.П. Политические институты исламского мира. Ростов н/Д, 2001. С. 62-63.

5. Аль-Каида" отращивает новые головы взамен отрубленных // Lenta.ru. - 2004. 11 авг.

6. Текушев И. Имарат Кавказ как особая исламская «этно-фундаменталистская модель» [Электронный ресурс] – Режим доступа: // http://www.bs-kavkaz.org/2012/03/.

7. Матишов Г.Г., Пащенко И.В. Терроризм как главная угроза национальной безопасности на Юге России // Приоритетные направления стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2011. С. 28.

8. Боброва О. Имарат Кавказ. Государство, которого нет // Новая газета. № 22. 2010. 3 марта.

9. Соловьев Э.Г. Трансформация террористических организаций в условиях глобализации. - М.: ЛЕНАНД, 2006. - С. 18-20.

10.Добаев И.П., Дугин А.Г. Роль и место «цветных революций» в геополитических трансформациях в Каспийско-Черноморском регионе // Евразийский проект: кавказский вектор / Южнороссийское обозрение. Вып. 30. Ростов н/Д:, 2005. С. 76.

УДК 325

Мустафаев Ф.М., к. филос. н., доц.,
Мустафаева З.С., к. филос. н.

Социальный и социально-педагогический анализ миграционных и этнодисперсных процессов

Национально-культурные ориентации личности в условиях миграции, этнической и конфессиональной дисперсности,* в повседневности в реальном поведении в сфере культурного потребления (посещение концертов национальных коллективов, знание деятелей национальной культуры, прослушивание записей национальной музыки, чтение литературы), играют очень важную роль в ее формальных и неформальных, межэтнических и межконфессиональных связях и отношениях.

Цель статьи – рассмотреть новые явления в этносоциальных процессах в Дагестане, которые ещё не были предметом социального исследования.

Одной из причин «этнического и конфессионального парадокса» современности, то есть значительного усиления роли и значения этнического и религиозного факторов оказывается углубление представлений об общности исторических судеб членов этносов. С ростом образования, развитием информатизации и демократизации общества значение этих представлений увеличивается в силу распространения научно обоснованных знаний, которые все больше вытесняют порой примитивно-народные этнологические и конфессиональ-

* Этническая и конфессиональная дисперсность – это «рассыпчатое» поселение представителей различных национальностей и вероисповедания в городах Республики Дагестан, что создает принципиально иную социокультурную среду, которую принято называть полиэтнической и поликонфессиональной.